Разговор Альфреда Коржибски с Кеном Кайсом о трудностях в применении общей семантики

Лайм Рок, шт. Коннектикут
19 октября 1947

Я могу лишь зачитать Вам известное напутствие профессора Павлова научной молодёжи его страны. Важной частью этой лекции мне кажется то, что мы можем применять, что Павлов сказал, к повседневной жизни, а не только к науке. Он говорит о воспитании характера, которое способствует любым достижениям в любой области. Говорим мы о семейной жизни, народных или международных делах, он бы дал то же напутствие остальному миру, а не только молодёжи его страны. Павлов оставил следующее напутствие:

«

Что я могу пожелать молодым людям моей страны, которые посвящают себя науке? Прежде всего, *постепенности*, которую я считаю наиболее важным условием плодотворной научной работы ⟨…⟩ Постепенность, постепенность и постепенность. С самого начала вашей работы приучите себя к строгой постепенности накопления знаний. Усвойте азы науки, прежде чем вы попытаетесь достичь вершин ⟨…⟩ Учитесь сдержанности и терпению. Закаляйте себя тяжёлой научной работой. Узнавайте, сравнивайте и собирайте факты. ⟨…⟩ Факты служат воздухом [под крыльями] учёного, и без них у вас никогда не получится взлететь. Без них, ваши теории становятся пустыми усилиями. Узнавайте, экспериментируйте, наблюдайте, старайтесь не оставаться на поверхности фактов и не накапливайте их попусту. Пытайтесь проникнуть в тайну их происхождения, настойчиво ищите законы, по которым они происходят.

Во-вторых – *скромность*. Никогда не думайте, что вы уже знаете всё. Как бы высоко вас не хвалили, всегда смело говорите о своём невежестве. Не позволяйте порывам возобладать над вами, потому что они не позволят вам прийти к согласию, когда возникнет необходимость это сделать, и вы откажетесь от полезных советов, дружеской помощи, и потеряете свой стандарт объективности.

В-третьих – *пристрастие*. Помните о том, что наука требует от человека всю его жизнь. Вам бы не хватило даже двух жизней. Занимайтесь работой и поисками с пристрастием.

»

Я начал с цитаты Павлова. Этот великий человек знал о трудностях обучения и научной работы. Его совет мы можем с тем же успехом применять к {повседневной} жизни, просто потому что нам приходится поддерживать ту же постепенность в адаптации, говорим мы об отношениях с

родителями или детьми, мужьями или жёнами. Любое человеческое отношение, народное или международное требует взаимной адаптации. Это следует, и трудности следуют, из-за того, что мы, как правило, пренебрегаем великими словами великого человека. В нашем случае – в обучении общей семантике – перед нами стоят чрезвычайные трудности, которые укореняются в нас и, так сказать, канализуются в нашей нервной системе старым способом так называемого ‘мышления’, всей нашей системой образования, нашими традициями и способом, которым ‘мыслят’ люди от науки: способом, которым ‘мыслят’ математики, физиологи. Павлов, среди прочих, применил к себе то, о чём дал напутствие своим ученикам и своему народу. Он это *применил*, и благодаря этому смог осуществить одно из величайших достижений в истории.

Незадолго до своей смерти, после своих выдающихся экспериментов с животными – в частности с собаками – он всё больше проявлял интерес к *человеческим* реакциям. Поэтому он начал изучать, читать и рассуждать о применении своей работы к человеку. По его экспериментам стало очевидно, – как я объяснил в *Науке и здравомыслии* – что изменения интервалов пространства-времени и т. д., взаимодействие с ними живого организма могли довести даже собаку до неврозов или даже психозов, вплоть до того, что они не поддавались лечению. Он не смог не увидеть пользу и последствия своей работы, и не смог не заметить, *что* происходит с собаками.

Позднее некоторые из его учеников начали экспериментировать на животных с человеческой точки зрения и пытаться экспериментально спровоцировать неврологические колебания у животных. Сегодня они экспериментируют на собаках, кошках, крысах, свиньях, козах, овцах и т. д. У основания этих болезненных реакций мы находим фрустрацию. Удивление, максимальные ожидания с минимальными результатами, которые в конечном счёте приводят к фрустрации и так далее, и так далее. Данное животное ожидаемо начинает страдать от невроза или психоза. Некоторых удаётся вылечить, других нет; всё зависит от лечения человеком.

Те экспериментальные неврозы служат психиатрам основой, потому что, когда мы имеем дело с высшими животными и намеренно, экспериментальным путём делаем из них невротиков или психотиков за счёт фрустрации – фрустрируя ожидание и т. д., и т. п., мы наблюдаем нервное расстройство, которое происходит параллельно *человеческим* нервным расстройствам. Человеческая ценность этих экспериментов заключается в том, что мы узнаём, как можем спровоцировать психозы или неврозы и видим в этом пугающую параллель с самими собой. Поэтому нам не следует практиковать ожидания максимума, потому что факты максимальное ожидание не охватят. Наши родители и преподаватели учат нас ожидать максимум; факты жизни не … согласуются с максимальными ожиданиями. Результатом становится фрустрация; цинизм, обиды и т. д., и т. п., и в результате расстройства.

Узнав о том, как экспериментально спровоцировать невроз у животных, и проанализировав ситуацию с нашей сравнительной психо-логической точки зрения, мы узнаём для себя, – на своём человеческом уровне – чего следует избегать, чего не следует делать, чтобы оставаться здравомыслящими. Всё это, естественно, стоит на весьма твёрдом основании из физиологических и неврофизиологических экспериментов, которые согласуются с работой Павлова. Сегодня в каждой стране – в частности в США – в каждой ‘психологической’ лаборатории изучают манифестации у животных, которых сделали *больными* – (конечно, в кавычках) ‘*умственно*’ больными.

Мы учимся тому, что *не* следует делать, мы учимся, как следует обучать, мы учимся, как обращаться с детьми и бесчисленному множеству примеров человеческой мудрости. Психиатры сегодня осознают, … что среди людей, которые ломаются, сравнительно мало ломаются из-за протоплазмы плохого качества. Гораздо больше проблем возникает по *средовым* причинам, нежели от протоплазмы плохого качества. Живая протоплазма проявляет электро-коллоидные характеристики, и поэтому различные ‘ощущения’, ‘мышление’, базовые предположения, гипотезы происходят в связи с электро-коллоидными манифестациями. Мы видим, до какой степени это может происходить. Психиатры хорошо знают, что важность средовых факторов постоянно возрастает. Например, психосоматическая медицина сегодня преобразовала медицинские знания то такой степени, что учёт новых факторов внедряется экспоненциально, – с ускорением ускорений – по цепным индексам. Один небольшой бардак порождает бардак похуже, и так это бесконечно продолжается.

Естественно, с пониманием структуры этих электро-коллоидных механизмов следует остальное: мы узнаём, чего не делать, как поступать. Наши так называемые ‘ощущения’, ‘мышление’ и т. д. на деле происходят на немом уровне, не-словесно. Поэтому, отождествляя словесные уровни с немыми, мы допускаем очень серьёзную ошибку, порой фатальную ошибку. Всякие теории, предположения, гипотезы и т. д. происходят в связи с особыми электро-коллоидными конфигурациями, и потому воздействуют на человеческое благополучие. Сегодня, с новой перспективой, мы испытываем основательные трудности в попытках это уяснить.

Каждый врач, вероятно, знает больше об электро-коллоидах… точнее, мне стоит сказать, что большинство врачей *забыли* больше из того, что изучали об электро-коллоидах, чем я когда-либо знал; они не могут ‘мыслить’ в рамках электро-коллоидов. Они всё ещё ‘мыслят’ в рамках таких высоких абстракций, человеческих артефактов как ‘органы’. По простой причине, что для того чтобы ‘мыслить’ электро-коллоидно, нам обязательно требуется практиковать ∞-значное ориентирование; потому что электро-коллоидные конфигурации могут меняться неопределённо своими степенями, частотами – конфигурациями. Изменить это представляется крайне трудной задачей.

Один из основных аспектов пользы от общей семантики заключается именно в том, что мы вырабатываем новый способ ‘мышления’, и в этом предполагается возможность последствий, которые мы никак не можем предвидеть. Эти проблемы могут показаться безобидными, только когда мы о них говорим, но по *применению* они такими уже не кажутся. Ре-канализацию наших нервных систем приходится осуществлять с большим трудом, чтобы выработать новые ориентирования.

Я приведу вам простой пример того, что происходит даже с моими студентами – случай с мигренью. Молодой парень лет двадцати пяти, студент университета, страдал от сильной мигрени всю жизнь с детства. Из-за этого он испытывал трудности в адаптации. Он перепробовал всё из традиционной медицины; – всякие лекарства – это не помогло. Вы знаете, что я не практикую медицину и не разбираюсь в мигренях, как таковых. Когда я читал лекцию; я не вёл речь о мигрени или о чём-то подобном, а просто вёл семинар. В ходе этого семинара мигрень у того парня прекратилась. Он сказал мне об этом, когда мы увиделись после семинара, и меня это, конечно, обрадовало; я счёл это очень определённым положительным результатом, и мы попрощались оба довольные этим определённым улучшением. Несколько месяцев спустя он пришёл со мной

повидаться. ⟨…⟩ Я его спросил, как обстояли дела с его мигренью. Он ответил с некоторой обидой и фрустрацией: «Плохо, как всегда». На это я его спросил: «Ты продолжаешь усердно работать над своей экстенсонализацией?» Он удовлетворённо сказал: «Нет». Как человек не от медицины я ему сказал: «Не работаешь, значит? Надеюсь, твоя мигрень ‘улучшится’». Врач не смог бы так поступить; к счастью, *я* медицину не практикую. Я бы не смог позволить себе сказать такое пациенту. Я разговаривал с ним не как с пациентом, а только как со студентом. По-видимому, ему это не понравилось, и он начал работать. Он работал стабильно над всем, что узнал на семинаре, чтобы ре-канализовать свою нервную систему. В результате, через несколько месяцев, или даже через год, работы – изучения и применения Ос – мигрень, наконец, прекратилась, и на момент, когда мы с ним виделись в последний раз, он не страдал от мигрени уже около четырёх лет.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что я давал ему общую семантику в простом и чистом виде; я не принимал никаких *медицинских* мер, но результаты оказались вполне очевидными. И, конечно, это полностью преобразовало его жизнь, потому что человек с постоянной мигренью не может ни работать, ни учиться, ни делать что-либо ещё. Он решил серьёзную проблему.

Я привожу в качестве примера проблему с мигренью, потому что вы все о ней знаете, как об очень серьёзной проблеме и как о чём-то, что встречается часто. Мы также храним записи о работе над проблемами посложнее. Мои студенты пишут о том, как трудно им приходится учиться, так сказать, чувствовать Ос нутром. Тем, кто этим занимается, приходится работать месяцами, если не годами, после чего результаты следуют автоматически.

Под «средой» мы подразумеваем не только среду вне нашей кожи, но и среду *под* нашей кожей: наши ‘ощущения’, ‘боль-удовольствие’, ‘мышление’ – всякие наши ‘ощущения’, которые происходят на одном уровне с событиями вне нашей кожи, потому что происходят они *не*-словесно.

Мы также видим, что теории, мифы, зоологические или мифологические точки зрения тоже происходят в связи с электро-коллоидными конфигурациями мозга, из-за чего могут вести к долгосрочным отрицательным результатам.

В нашей работе мы избавляемся от старых теоретических болезненных электро-коллоидных конфигураций в нашем мозге, и случается то, что случается, при условии, что студент продолжает работать. В нашей работе мы даём студенту средства, которыми он может помочь сам себе.

Во многом, мы занимаемся новаторской работой. На этапе человеческого детства мы обычно ищем кого-то, кто бы сделал что-то за нас. В прежние времена мы никому не давали *средства*, *методы* электро-коллоидного характера, чтобы они могли преобразовать свои электро-коллоидные конфигурации вплоть до преобразования *внутренней* среды, чтобы адаптация к внешней среде становилась более терпимой и в общем улучшалась. Чтобы внести изменения в электро-коллоидные конфигурации, придётся столкнуться с настоящими трудностями. Это *звучит* просто. Мои студенты знают о простоте методов общей семантики. Они представляют собой здравый смысл; мы можем передать их даже детям, но применять их приходится с трудом. Эти трудности возникают, опять же, из-за электро-коллоидной канализации; нервной канализации. Это означает, что нервные импульсы … и, пожалуйста, обратите внимание, что когда я говорю о тканях, я говорю с ошибками; компетентно о тканях в контексте Ос я говорить не могу. Я не могу сказать что-то лучше, потому что мы знаем вне всякого сомнения, что электро-коллоидные

механизмы существуют, но не знаем, что делать, чтобы их изменить. Здесь мы даём вам методы, которыми вы можете себя ре-канализовать; крайне простые методы, применять которые приходится с большим трудом.

Мне приходится работать со зрелыми людьми. С детьми я не работаю. Дети не испытывают с этим проблем в отличие от взрослых, просто потому что взрослых канализовали старыми взглядами, которые они усваивали ещё в яслях и в школе. Ре-канализовать нервную систему – например, изменить привычку – представляется крайне трудной задачей. Мы укоренились в своих старых привычках, которые согласуются со старой канализацией, и поэтому нам следует ре-канализоваться, если мы хотим развиваться. Для этого, однако, требуется работать, работать и следовать совету Павлова.

Здесь нам следует вспомнить о минимуме структуры и функции нервной системы; конкретно функции корковых уровней и таламических уровней. Они отличаются в следующем смысле: то, что мы называем просто ‘интеллектуальным’ – конечно, в кавычках – и словесным, мы относим к коре.

Как справиться с этой проблемой?

По фактам мы видим, что коркового понимания чего-либо не хватает, потому что наши живые реакции происходят, как мы выяснили, на немых уровнях – преобладающе таламических. Мы живём, вне и под нашей кожей, на немых уровнях – к этому относятся наши *живые* реакции.

Тем временем большое число людей, – если не большинство – способных прочесть толстый том, пребывают в заблуждении, что, если они что-то ‘поняли’, то они это усвоили. На деле определённо происходит не так. Нам приходится извлекать что-то из ‘понимания’, что означает, нам приходится передавать неразрывный эмоцио-интеллект. Если вы их разделяете, вы никогда не усвоите то, что ‘поняли’.

Мне приходится наблюдать жалкое зрелище этой проблемы каждый день. Многие люди говорят: «Да, я прочёл вашу книгу без проблем. Я всё понял без проблем, – я спрашиваю – Вы применяете? – они отвечают – Нет». На деле живые реакции, должны происходить в мере автоматически, если их выработали таламически; они становятся частью нашей природы, которой мы затем реагируем.

В этом заключается одна из составляющих основ: ⟨…⟩ ‘понимания’ – коркового – не хватает. Нам придётся начать *жить* новыми ориентированиями – простыми, но тяжёлыми в усвоении.

Мы наблюдаем ещё одну серьёзную проблему – проблему писателей и читателей. Писатели обычно, если только они не ориентируются основательно научно, – сообразно формулировке Павлова – рассуждая в своих письменных работах на эти темы, они пытаются переводить их по-своему, вместо того чтобы стараться самостоятельно *извлечь* {*усвоить, уяснить.*,} не то, что другой человек сказал, а что он *хотел* сказать. Лейбниц подчёркивал этот момент, и я с ним глубоко согласен. Переписывание такой работы как ā-система старыми a-способами парализует всю пользу от неё и, следовательно, практически не несёт пользы.

Примеров существует множество, но я приведу только один. Я знал нескольких таких человек с правомерным статусом и настоящими достижениями. Они боролись с привычкой аддитивности. Один из них говорил, что человеческие реакции не представляют собой алгебраические суммы

рефлексов,. То есть, он противостоит плюсу, однако, затем говорит: «Важно то, что человеческие реакции обусловливаются наследственностью *плюс* средой». Видите? Привычка речи. Он боролся с плюсом всю свою жизнь и работу, но когда он хочет сказать что-то более основательное, по привычке речи он неизбежно говорить «плюс то и то»,. Это встречается очень широко. Люди осознают не-существование аддитивности в природе, но по привычке речи, они соскакивают в аддитивность: «Плюс то и это».

Примеров удастся найти бесчисленно. Каждый день вы можете заметить за собой ту же проблему: вы налагаете аддитивность на природу, тогда как в природе – вне и под нашей кожей – реакции происходят процессуально, следовательно, не аддитивно, а функционально – я говорю «функционально» в математическом смысле.

Эти проблемы сегодня становятся достаточно ясными научно, однако, мы не узнали, как применять эту мудрость, и сегодня за счёт многих лет опыта, я убеждён, что мы не можем применять мудрость, которую получили, просто потому что старый а-мир не дал нам метод или техники.

Языковые трудности, как правило, не понимают. Язык в человеческом смысле, произошёл как один из последних этапов эволюции – самого важного и самого сложного; по сложности соразмерного человеческой жизни.

Мне снова следует подчеркнуть, что мы живём свои человеческие жизни на немых уровнях – немых уровнях под и вне нашей кожи. Это составляет механизм *жизни*. Вместе с этим мы осуществляем словесную функцию, и эта словесная функция, по-видимому, позволяет действовать время-связующей способности. Термином «время-связывание», как вы знаете, я назвал функционирование человеческой нервной системы, состоящее в том, что индивидуум может *передавать* другому индивидууму, поколение другому поколению достижения прошлого. Это означает, что как человеку сорокалетнему или пятидесятилетнему не сорок или пятьдесят, а четыре или пять миллионов лет, потому что опыты прошлого, произошедшие на немых уровнях, удавалось передавать и, во многих случаях, *удалось* передать от одного поколения другому. Таков характер время-связывания. Это определение – или даже выражение – видится ясным как день; споров о нём не возникает. Сейчас задача состоит в том чтобы исследовать механизм время-связывания. Именно это мы делаем Общей семантикой.

Лейбниц, выдающийся математик, соизобретатель дифференциального исчисления, вместе с Ньютоном, советовал своим читателям и слушателям смотреть не только на то, что автор сказал, но и на то, что автор *хотел* сказать. Как математик он хорошо понимал, что на деле представляется невозможным *высказать* словесно короткую математическую формулу, которая ограниченным способом служит сообщением о том, о чём требуется сообщить. Изъяснение на обыкновенном языке в крайней степени затрудняет попытки сказать то, что мы хотим сказать. Внимательный читатель, или студент, который действительно хочет что-то узнать, должен вглядываться под слова, выстраивать, так сказать, отношения карты-территории, зрительно представлять территорию вне или под его кожей, и затем размышлять о том, что он мог бы сказать о немом уровне, чтобы представить картину – в его случае, словесную – структуры того, что на нём происходило. Такой совет дал великий Лейбниц.

Ещё одно серьёзнейшее затруднение, возникающее в связи с проблемой языка, – *настоящей* проблемой – состоит в том, что авторы её не осознают. Они могут прочесть книгу, скажем, *Науку и здравомыслие*. Читая, они могут вписывать в неё то, что в ней не содержится; они вписывают собственную нервную канализацию в обыкновенный язык *Науки и здравомыслия – обыкновенный* язык; там ничего особенного; лексикон состоит из обычного языка, просто незнакомого. Мы иногда испытываем шок от того, что можем говорить о своих самых глубоко личностных психо-логических реакциях в рамках индексов, дат, «и т. д.», кавычек и дефисов. Тот факт, что мы можем это делать составляет быстрое, настоящее развитие, просто потому что, когда мы применяем приёмы, мы, так сказать, щекотим таламическую область, на которую не получается воздействовать словами.

Насколько мы знаем – и, возможно, мы не знаем в точности. Я знаю, о чём люди писали, знаю, что я наблюдал; это не означает, что я обязательно скажу что-то правильное. Я сам сомневаюсь. Языковые центры – нервные центры – находятся в коре. Я пользуюсь выражением «преобладающе корковые области». Запомните это выражение: «преобладающе корковые области». Так называемые ‘ощущения’, ‘эмоции’, ‘боль’, ‘удовольствие’, ‘восприятия’ представляют реакции преобладающе таламических областей.

Мы меняем структуру языка. Например, субъектно-предикатной структурой в науке больше не пользуются. Нам следует пользоваться языком иной *структуры* – наряду с экстенсиональными приёмами – и задействовать тем самым таламические факторы, не задействуя языковые центры. Если корковый – языковой – продукт выражать по-иному, – что мы делаем в Ос – применяя таламические компоненты, то эти таламические компоненты дают *«ухватиться»* за сказанное, и этим позволяют таламической реакции стать *организменной*. Мы живём преимущественно таламически, поэтому в коммуникации между людьми нам следует, прежде всего, применять язык такой структуры, которая бы позволяла задействовать таламические факторы, чтобы мы принимали слова не только как слова и игры со словами, а чтобы могли *«ухватиться»* за то, что сказанным хотели передать.

Авторы об этом не знают. В своих работах они пытаются переводить наш язык – экстенсиональный – на старый – интенсиональный. В результате получается полное недопонимание, мистификация – если не дезинформация. Старая ‘психологическая’ терминология – относительно *жизни*, действительных жизненных реакций организма – на практике устарела. Дети, кстати говоря, рождаются экстенсионально-ориентированными; мы губим их, обучая их интенсионально. Мир, к сожалению, об этом не знает.

Я настоятельно рекомендую применять приёмы к старому языку. Большего не требуется. Просто применяйте приёмы с своему языку, и вы тем самым преобразуете интенсиональный язык определений в экстенсиональный язык фактов.

Экстенсиональные факты исчисляются неопределённостью событий, а мы располагаем сравнительно небольшим количеством слов интенсионального характера, – слов, определяющихся словами., – и полностью пренебрегаем не-определёнными терминами, которые служат лишь ярлыками для немых уровней, мы, в связи с этим, по-прежнему продолжаем играться со всякими теориями ‘значения’. Ни в какой теории ‘значений’ ⟨…⟩ мы не принимали во внимание не-определённые термины. Не-определённые термины представляют собой *лишь* ярлыки для

немых уровней. Наша задача состоит в том, чтобы выявить факты того, как словесные формы выражения сходятся или не сходятся с наблюдениями немых уровней.

Большинство авторов, которые пишут на любые темы, но в частности, так называемые популяризаторы, несомненно вносят свои предвзятости, даже в науке, в детском образовании,. Когда они пытаются писать или говорить, так сказать, популярно о научных вопросах, они не следуют этой конкретной структуре языка. Так с ними обстоят дела. Они очень часто дезинформируют общественность. Мне это кажется смешным.

Эйнштейн произвёл свою великую теорию – всецело строго математическую, состоящую сплошь из формул,. Ожидаемо, простые люди не могли её понять; им она никакой пользы не несла, из-за чего многие годы оставалась таинственной. Под давлением просьб он, наконец, написал знаменитую книгу о теории относительности, в которую включил очень мало формул и объяснил всё словами, в результате чего он допустил *ошибки* – ошибки, которых не существовало в математических формулировках. Самым смешным видится то, что на ошибки Эйнтштейну – математику – указал Бергсон – философ. Эйнштейну пришлось, насколько я знаю, пересмотреть текст и исправить те грубые ошибки.

Тем временем, в повседневной жизни, когда вы передаёте, например, свои наблюдения чего-либо, следует помнить, что вы даёте мне свою личную словесную реакцию на ваши опыты или наблюдения – на то, что вы пронаблюдали на немых уровнях. Как это передать? Если я и вы – что значит, что это относится ко всем – экстенсионализовались и применяем приёмы *постоянно*, на немых уровнях; мы их усвоили; внедрили их в таламус, – в *живущую* часть так называемого ‘мозга’ – тогда мы в конечном счёте друг друга поймём.

Я не уверен до конца, но сегодняшняя ситуация с войной – с точки зрения политики, ООН и подобных дел – выглядит совершенно безнадёжной. Совершенно безнадёжной по простой причине: люди не умеют друг друга понимать.

Одним из самых великих достижений человеческой изобретательности стала Вавилонская башня, из-за которой всемогущий снизошёл, чтобы спутать языки, потому что эти паразита, хотели добраться до небес, познать их тайны и тем самым познать всемогущего. Всемогущий поступил великодушно. Этот поступок показал, как справедливо он относился к этим жалким паразитам, называемым людьми.